С. И. НИКОЛАЕВ

«ЗОИЛ В РОССИЙСКИХ ГРАДЕХ» (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира)

Зоил вошел в русский язык как «злой, желчный, завистливый критик», поэтому вполне естественно было бы рассматривать его образ в истории русской критики. Однако Зоил появляется в русской литературе в последней четверти XVII в., т. е. примерно за полстолетия до формирования самого предмета русской литературной критики, поскольку отмечавшиеся предпосылки ее развития в предшествующую эпоху критикой литературной в собственном смысле все же не являются. Какую же роль играл Зоил, вернее его образ, вдруг появившийся в русской литературе, и прежде всего в поэзии?

В концепции творчества древнерусского автора критическое отношение было, собственно говоря, заранее исключено. Древнерусский автор, прикрываясь самоуничижительными формулами, в конечном счете пытался внушить читателю, что он писатель «божьей милостью». Тем самым снималась возможность какоголибо эстетического разбора и оценки. Вместе с тем естественным следствием почти декларативного отказа от авторства было обращение автора к читателям: если есть ошибка, то исправьте, но не кляните. И древнерусские книжники охотно, исходя из постулата о внеличностном, соборном характере творчества, поправляли и

² См.: Кулешов В. И. История русской крптики XVIII—начала XX в.

М., 1984. Гл. 1.

⁵ См.: *Панченко А. М.* Некоторые эстетические постулаты в «Шестодневе» Иоанна Экзарха // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 35.

 $^{^1}$ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 690.

 $^{^3}$ См.: Берков П. Н. У истоков русской литературной критики: Предпосылки зарождения русской литературной критики // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 25—45.

⁴ См.: Некрасов И. С. Древнерусский литератор // Беседы в обществе любителей российской словесности. М., 1867. Вып. 1. Отд. 1, с. 39—50; Булании Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // Рус. литература. 1980. № 3. С. 137—142.

пополняли памятники, однако и здесь особенности индивидуального авторского стиля выражены крайне слабо.

В XVII в. рост личностного начала сопровождается профессионализацией писательского труда. Формируются представления об авторской собственности. В предисловиях и послесловиях к своим сочинениям авторы начинают уже обороняться от возможных упреков. От кого защищаются писатели. Конечно, не от читателя, который из «благочестивого» постепенно превращается в «благорассудного» и затем «просвещенного». Они защищаются от

Зоил появляется в русской поэзии на рубеже 1670—1680-х гг. Вероятно, впервые его упомянул Симеон Полоцкий в стихотворении «К гаждателю». Стихотворение было написано в 1678 г. и напечатано в «Псалтири рифмотворной» (1680). В Автор обстоятельно растолковывает, что Зоил — «хулник стихов омирих», который «писанием си славу онаго терзаше». Далее Симеон отсылает к существующей литературной традиции:

> Тем обычно ся в книгах Зоил нарицает, Кто чужда писания без вины гаждает, -

и отмечает самое важное для нашей темы:

Мню аз, яко и ныне живет Зоил в чадех Нрава хулы своея и в российских градех; Не міно токмо, но и вем.

Затем Симеон предостерегает, увещевает и даже грозит Зоилу, считая напрасными все его попытки опорочить свой труд. Стихотворение Симеона Полоцкого не только фиксирует появление Зоила «в российских градех», но и дает парадигму отношения поэта к «хульнику» и «гаждателю». Но еще до появления в печати «Псалтири рифмотворной» Зоила поминает в 1679 г. Мардарий Хоников в предпосланном к стихотворным переводам из Библии Николая Пискатора обращении «К читателю»:

> Обаче, читателю, изрещи дерзаю: Не даждь Зоилу места, тебе умоляю.9

Безымянный провинциальный священник, автор сборника проповедей «Статир» (1684), предварил сборник прозаическим и двумя стихотворными предисловиями. В любопытнейшем прозаическом предисловии 10 автор не просит читателя снисходительно

⁶ См.: Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

⁷ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973. С. 144—146; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 161—166.

 ⁸ См.: Симеон Полоцкий. Избр. соч. М.; Л., 1953. С. 92—93.
 9 Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 180.

¹⁰ См.: Алексеев II. Т. «Статир»: (Описание анонимной рукописи XVII в.) // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. C. 92—101; Успен-

исправить погрешности, наоборот: «Если будешь читать внимательно эту книгу, состроенную моим окаянством и нареченную невежеством моим "Статир", и если в чем-пибудь усумпишься, то не дерзай тотчас вымарывать пли исправлять. Молю тебя об этом, завещаю тебе и пред самим богом свидетельствую просьбу мою». Правда, в «Стихах к доброму читателю, да и к завистливому хухнателю» автор спачала вполне в духе древнерусского книжника пишет:

Усердно главу мою поклоняю, Погрешению исправы желаю, —

но тут же переходит в наступательный тон:

А несмысленному же не дерзати, Но у разумных ему вопрошати. Молю, не буди и на мя поноситель, Ни скорозавистливый укоритель; Да не будеши жуку ты подобен, Пже ни на какую вещь не потребен, Но токмо при вечере он летает И скотиим гноем он себя питает. Дотоль и жив он, доколе кал есть, Егда сего не будет, — изгибл весь. 12

Хотя от рубежа 1670-1680-х гг. упоминаний о Зоиле сохранилось очень мало, некоторые его характерные черты просматриваются довольно отчетливо. Зоил в первую очередь не столько критик в нынешнем его понимании, сколько отъявленный ругатель, «гаждатель» и «хухнатель». Сетования авторов на «гаждателя» вполне резонны, поскольку труды их еще не увидели света. Автор «Статира» в «Стихах, в них же богу благодарение и на завистников дерзновение» говорит:

А они мене за то порицаху, И сей труд мой, не видавши, хуляху. ¹³

Ему вторит Симеон Полоцкий:

.....еще труди сии света не зреша, ни внидоша в люди, А уже хулители завистнии слово лукавое имеша во устех готово. Колми паче узревше потщатся хулити труд сей, дабы хулою славу нолучити! 14

ский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 116—118.

¹¹ Яхонтов И. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883. С. 13. — К сожалению, в этой публикации предисловие переведено на современный литературный язык.

¹² Там же. С. 23. ¹³ Там же. С. 21.

¹⁴ Симеон Полоцкий. Избр. соч. С. 92—93. — Эти же мысли развиты в предисловии к первому сборнику русских пословиц (1690-с гг.). См.: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собр. и пригот. к печати П. Симони. СПб., 1899. С. 71.

Скорее всего, эти заявления верны, во всяком случае относительно Симеона Полоцкого, его «Псалтири рифмотворной». Патриарх Иоаким в 1690 г. говорил о книгах, напечатанных в Верхней типографии: «Мы же прежде типикарского издания тех книг ниже прочитахом, ниже яко либо ведехом, но яже еже печатати отнюдь не токмо благословение, но ниже изволение наше бысть». Вряд ли Симеон Полоцкий знакомил грекофилов с рукописью своего переложения; попытки же исследователей усмотреть в «гаждателе» Евфимия Чудовского, скорее всего, павеяны позднейшими его выпадами против «Псалтири рифмотворной» в том же «Остне». 16

Литературно-критических суждений XVII в. не сохранилось; возможно, конечно, что они просто не дошли до нас, однако обилие сохранившихся религиозно-полемических сочинений заставляет сомневаться в этом. Таким образом, выпады против «гаждателя» носят превентивный характер, это не столько защита от безосновательных нападок, сколько отстаивание своей позиции. Но если «гаждатель» не литературный критик, то кто же он? Ответ, вероятно, стоит искать не в истории критики, а в истории развития авторского самосознания, небывалый рост которого как раз приходится на вторую половину XVII в., когда в самой литературной культуре происходят принципиальные изменения. Одно из них заключается в том, что «в сферу литературной коммуникации был введен качественно новый объект — другой автор. В древней русской литературе литературная коммуникация подразумевала, как правило, одностороннюю связь — автор/читатель. куда мог входить, естественно, и другой автор. Теперь же в качестве второго участника дитературной коммуникации выступал непосредственно другой автор, т. е. в литературной культуре наметился переход от коммуникации автор/читатель к типу автор/ другой автор». 17 Этим другим автором, которого можно было безнаказанно обличать, поскольку это был чисто фиктивный, литературный образ, стал бессмертный и пресловутый Зоил. Исторический Зоил, как известно, сам был писателем, причем не очень удачным, поэтому важна главная характеристика русского «хухнателя» — зависть. Так, в стихотворении «К гаждателю» только само слово «зависть» упоминается шесть раз. Автор «Статира» также «дерзает» против завистников:

> Тако и ты не много ся весели, Но сам в сих искуситися изволи. Когда бо ты свой разум познаеши, То и на мою немощь не зазриши. Не буди, яко муха, нападая На язву, здравое пренебрегая.

¹⁶ Там же. С. 137.

 $^{^{15}}$ Остен: Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 138.

¹⁷ Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. [Вып.] 1. Барокко: литература/литературоведение. Тарту, 1976. С. 147.

Аще бо не можещи изцелити, Не мози наипаче уязвити. Неси разумен погрешений исправить, — Не дерзай же ты здраваго похулить. 18

При этом автор испытывает к «хухнателю» даже нечто вроде снисходительности:

> Ты же, мой брате, от хулы престани И от сна неведения возстани; Благоволи сию книгу читати И разумне ю потщися внимати, По твоей бо немощи написася. 19

Причину «хулы» завистника Симеон Полоцкий называет определенно:

> Вскую труды моя эле тщишися судити, сам не хотя, ни могущь точных положити? 20

То же самое он повторяет и в третьем предисловии к «Псалтири рифмотворной»:

> Ни завидящим подражатель буди, им же чуждии сердце гризут труди, Иже благая за зависть хухнают, совесть поправше, вся уничижают.²¹

Из этих стихов очевидно, что Зоил — это не нелицеприятный критик, а коллега (никак не собрат!) по перу и по цеху. Авторы его вовсе не страшатся, а слегка презирают и вызывают (не без высокомерия) на состязание, приглашая в судьи читателя. Обличения Зоила оборачиваются не свойственным древнерусскому книжнику авторским самомнением. Творчество становится свободным, теперь это «личное поползновение одного человека, преэревшего "соборное свидетельство"». 22 Характерно, что у Симеона Полоцкого эта позиция касается его собственного творчества и не относится к его эдиционным трудам. Например, его стихотворное предисловие к «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1680) традиционно по форме и смиренно по духу:

> Погрешение изволи простити, Аще случися негде погрешити: Грех любовию изволь извиняти, Да любовь бога можеши прияти ²³ и т. д.

¹⁸ Яхонтов И. Указ. соч. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 23—24. — Этот же мотив встречается у переводчика «Истории о Париже и Вене». См.: История о Париже и Вене: Переводная повесть в стихах Петровского времени. СПб., 1913. С. 228.

²⁰ Симеон Полоцкий. Избр. соч. С. 93.

²¹ Там же. С. 216. ²² Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой // Чтения по древнерусской литературе. Тбилиси, 1980. С. 142.

²³ Сидорова Л. П. «Повесть о Варлааме и Иосафе» в издании Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982, C. 149.

Литературная маска Зоила была очень удобна — у просвещенных «трудников слова» конца XVII в. она сразу вызывала целый ряд ассоциаций и пояснений не требовала, поскольку все они хорошо слышали отзвуки яростной борьбы с Зоилом в польской литературе XVI-XVII вв. 24 Правда, само имя не сразу выносится в заглавие: у Симеона Полоцкого Зоил фигурпрует уже в первом стихе, но в заглавии стоит все-таки «гаждатель». Непривычность имени ощущалась и переводчиками. «Зоил», правда, упоминается в переводном предисловии к «Зерцалу старовещности», появившемуся еще при Алексее Михайловиче, 25 но вот в начале XVIII в. в составе «Вертограда королевского» Б. Папроцкого было переведено и стихотворение «Ad Zoilum Autor» под заглавием «Изобретатель ко клеветнику». 26 Такое же значение (Зоил клеветник) зафиксировано и Юрием Крижаничем еще в середине 1660-х гг. ²⁷ В книге «Новейшее основание и практика артиллерии Ернеста Брауна» (М., 1709) прозаический перевод соответствующего стихотворения назван «К хулником». Но и в переводах мотив зависти иногда присутствует. «Златое иго супружества» завершает двустишие «Завидящему»:

> Аз научих тя лгать, а ты мене тем же хочеш потоплять.28

Вызов звучит и в предисловии Федора Поликарнова к «Лексикону треязычному»: «Сам поношаяй нас да покусится, или поне готовое сие прочести да потщится», и далее в стихах (переведенных с латинского?):

> Зрите вы семо, иже порицати Любите чуждих труды, извещати: Могли бы и мы тожде сотворити И лучшу сея книгу сочинити. Аще мощно вам, почто не твористе? Не бых труд подъял, аще б в деле бысте. Но всяк своих дел в корысть бе строитель, Что знал, то издал, а сих не любитель. Лучше ли веси? где худо — приправи, Аще же ни сих, ум твой в сих направи.29

У Поликарпова Зоил не назван, но явно подразумевается. Само же имя мелькает в ряде произведений первой четверти XVIII в. Иосиф Туробойский в «Политикополепной апофеосис» (1709) считает необходимым пояснить «титло книжицы сей», чтобы оно

²⁹ Лексикон треязычный. М., 1704. Л. 7, 7, об.

²⁴ См.: Mikulski T. Ród Zoilów: Rzecz z dziejów staropolskiej krytyki literackiej // Mikulski T. Rzeczy staropolskie. Wrocław, 1964. S. 15—119.

25 БАН, П. І. А 15, л. 123.

26 ГПБ, собр. Погодина, № 1700, л. 303, об.—304.

27 См.: Русское государство в половине XVII в.: Рукопись времен царя Алексея Михайловича. М., 1859. Ч. 4. С. 158.

²⁸ Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 337. — Во втором списке рифма носит более логичный характер: «сцать — потоплять».

было «от зоилевых зубов защищенно». ³⁰ В пьесе «Гистория о Кире царе перском и о царице Тамире скифской» Зоил появляется в классическом обличье:

Аще воил скрежещет вострым на тя зубы и тя сожрать отворяет ядовиты губы.³¹

Зоил мог попасть и в самый неожиданный контекст. Так, в переводном «Описании артиллерии» (М., 1710) автор в предисловии сознается, что он издал свою книгу, «презирая все зоиловы злословия».³²

Надо сказать, что до 1720-х гг. все сведения об историческом Зоиле исчерпывались первым двустишием Симеона Полоцкого:

Хулник стихов омирих некто Зоил бяще, писанием си славу онаго терзаще.

Но вот во второй половине 1720-х гг. кн. М. Кропоткин включил в сборник антипротестантских сочинений и переводов ³³ стихотворение «При сем к Зоилю примовляю: аще кто от зависти на сии труды Зоил явится, той читая ниже тем да усрамится»:

Зоилю, от зависти бо не грызи чюждих трудов зубами, Коли сам в лености того не чиниш своими трудами. Мне бо и во печали не страшит твой зуб вшетечный, Еже в правдивом сем речении есмь безпечный. Надлежит бо мудрым в перлах смотрити браку, Тебе же, Зоилю, пристойно в плевах смотрити смаку. Сию правду, яко драгое перло, предлагаю читателем, Сущим правды святаго благочестия снискателем. О вас, Зоилю, царь и пророк Давид так вещает, Всем благочестивым сице изъявляет: «Сынове человечестии, а зубы их — оружие и стрелы, И язык их — меч остр». Воспомяни, Зоилю, Прежде бывшаго Зоиля, иже Гомеровы труды ганил И себя в таковой зависте ко смерти управил; Его же король Птоломей обесити приказал, Дабы впредь тобою таких завистников устрашал. Аз бо тебе, Зоилю, таковаго конца не желаю, Но токмо чрез Стриковскаго о сем изъявляю. О себе же ко господу богу моление приношу И покорне пресвятую благость его прошу: Спаси мя, боже, от человека непреподобна И от мужа неправедна избави мя, Даруй, господи боже, спасение моему духу, Дабы с правоверными мне быть без розруху.34

³⁰ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, Т. 2. С. 220.

³¹ Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в.

М., 1975. С. 585. ³² Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. С. 238.

³³ См.: Попровский Н. Борьба с протестантскими идеями в петровское время п князь Михаил Кропоткин // Русский вестник. 1872. № 9. С. 203—234. 34 ГБЛ, ф. 228, № 173, л. 30, об.—31.

Упоминание «Стриковскаго» отсылает к польской литературе. причем к самому обстоятельному стихотворному описанию Зоила в польской поэзии XVI в. М. Стрыйковский предварил свою «Хронику» (1582) стихотворениями «На Зоила» и «На неблагодарных и славе завидящих», этого ему показалось мало, и на полях он добавил (уже прозой) исторический комментарий. 35 Исходя из всех трех текстов, но не переводя их, Кропоткин и написал свое стихотворение, значительно смягчив наступательный и издевательский тон Стрыйковского. В частности, самому Кропоткину принадлежит обращение «спаси мя, боже <. . . > даруй. господи боже». Так же завершил свое стихотворение и Симеон Полоцкий. Эти обращения вполне традиционны, но дело не только в традиции. Автор, презревший «соборное свидетельствование», остался одинок. Фигура писателя-одиночки, пишущего для себя, становится характерной для эпохи. 36 Для писателя вполне возможно теперь заняться сочинительством, чтобы «мысль свою унывающую врачевати»,³⁷ или запереться «в чулан для мертвых друзей <...> когда все содружество, вся моя ватага будет чернило, перо, песок да бумага». 38 В этих условиях творчество — либо нравственное самосовершенствование, либо благочестивый труд. Но по завершении труда все меняется. Уже в силу своего статуса, вернее полного отсутствия статуса автора в современном его понимании. писатель вынужден искать вполне реальную помощь и реальную защиту. И в литературной культуре появляется еще один классический образ — Меценат. В литературной жизни это была вовсе не фиктивная фигура; уже с конца XVII в. кроме царского и патриаршего патроната появляются меценаты разных чинов, от князей до купцов, 39 а писатели охотно ищут их покровительства. 40

Роль Мецаната (и появившихся вместе с ним панегирика и пресловутого сервилизма) в литературной культуре важна и интересна сама по себе. Пока отметим, что Меценат непосредственно связан в авторском сознании с Зоилом. Так, Афанасий Миславский, посвящая в 1713 г. второе издание «Алфавита духовного» кн. Д. М. Голицыну, писал: «Искахом места, где бы, по совершении ея (книги. — \tilde{C} . H.), место заступника и пристанище тойжде изобрести возмогохом: не обыче бо дело, художеством типографским произведенное, без заступника в свет исходити, да не растерзанно будет зубы Зоилов, согрызающих и растерзающих его. Обретохом убо место наставлением божиим в пому вашего княжаго

Л., 1984. С. 164—165.

40 См., например: Николаев С. И. Два стихотворца XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 376—378.

³⁵ См.: Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 1. S. XXII—XXIII.

86 См.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ.

^{31., 1904.} С. 104—105.
37 См.: Николаев С. И. Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 388.
38 Канпемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 59.
39 См.: Соболевский А. Московский меценат петровского времени // Литературный вестник, 1901. Т. 2, кн. 6. С. 128—129.

сиятельства, яко некое пристанище доброе». 41 Он же посвятил в 1712 г. гетману И. И. Скоропадскому книгу «Ифика иерополитика» со словами: «Пыне, яко искреннейшему учений и учащихся промыслнику и любителеви приносим, да тамо от хулительнаго элохудожных назирания свободна пребудет». 42

Олнако Зоил все еще был достаточно абстрактной фигурой: нападки на него были безопасны и, сколько мы знаем, безответны. 43 Более конкретные и живые черты Зоила начинают вырисовываться только у Кантемира. Примечательно, что у него Зоил сначала никак не связывается с литературой. Кантемир подробно разрабатывает главнейшую черту характера Зопла — зависть, которая доводит Зоила до того, что он «не спит, бедный, целы ночи». 44 Даже в сатире «На Зоила» 45 автор ничего не говорит о зависти литературной и только в конце сатиры, обращаясь уже к музе, сокрушается: «Про нас с тобою уж и так всякое зло трубят». Но это пока отзвуки нападок, лишь в 1740-х гг. в облике Зоила у Кантемира появятся черты литературного критика. 46 причем опять-таки это будет не столько критик, сколько злобный и завистлавый неудачливый писатель: «Обыкновенно таким людям уничтожать чужой труд, хотя сами за него приняться или не смеют, или, принявся, мало удачливы бывают». 47 Тем не менее в развитии образа Кантемиру принадлежит важная заслуга: Зоил из абстрактного предмета нападок и суеверного оберега становится маской, за которой скрыты уже конкретные дица; так, в сатире «Иа Зоила» «под именем Зоила» описана «знатная персона». Формируется одно из важных правил литературной критики XVIII в.. о котором сам Каптемир сказал: «имен не значу» 48 — и которое вскоре закрепил В. К. Тредиаковский в «Новом и кратком способе». 49 Это, конечно, правило из арсенада не столько литератур-

⁴¹ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. T. 1. C. 258.

⁴² Там же. Т. 2. С. 276.

⁴³ Известен, правда, исключительно любопытный отклик Евфимия Чудовского на появление в 1681 г. «Обеда душевного» Симеона Полоцкого: Новосоставленная книга сия «Обед».

Подвлагает снедь, полну душетлительных бед. — Другую редакцию эпиграммы см. в работе: Cазонова \mathcal{I} . \mathcal{U} . Поэтическое творчество Евфимия Чудовского // Slavia. 1987. № 3. S. 245.

⁴⁴ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 98. 45 См.: Там же. С. 190—192. — Никто из издателей сатиры не отмечал, что в рукописи сатира озаглавлена «На Зоиля» (см.: ГПБ, собр. Вяземского, F. 129, л. 79, об.). Подробнее о сатире см.: Берков П. Н. Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726—1729) // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.; Л., 1961. С. 210—220; Schroeder H. Russische Verssatire im 18. Jahrhundert. Köln; Wien, 1962. S. 140—142.

46 Ср.: Веселитский В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974. С. 44—46.

⁴⁷ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 220.

⁴⁸ Там же. С. 110.

⁴⁹ См.: *Тредиаковский В. К.* Избр. произв. М.; Л., 1963. С. 389; Ср.: Успенскии Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского: (Эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Russian Linguistics. 1984. N 8. P. 110-111.

ной критики, сколько сатирической литературы, бывшее предметом неоднократного обсуждения в XVIII в. 50

В истории распространения «Езды в остров любви» В. К. Тредиаковского, кажется, впервые под маской Зоила заметны конкретные черты чисто литературной схватки. Завершала книгу «Эпиграмма к охуждателю Зоилу»:

> Много на многи книги вас, братец, бывало, А на эту неужли вас таки не стало?

Задор Тредиаковского дошел до того, что слова «вас, братец» и «вас» были напечатаны более мелким шрифтом. 51 Вызов был принят: книга вызвала как бурю восторгов, так и волну нападок, о чем Тредиаковский не без удовольствия писал И.-Д. Шумахеру. 52 Тредиаковского обвиняли не только в том, что он «первый развратитель российского юношества», «деист» и «атеист»: ему также ставили в вину тщеславие, самовлюбленность, суетность, критиковали и язык книги. В защиту Тредиаковского выступил малоизвестный переводчик И. М. Сечихин, который в 1732 г. перевел трактат «Анфроскопия». В предисловии физиогномический «К Зоилу» он не только признает себя приверженцем языковой программы Тредиаковского, 53 но и яростно защищает его от Зоила, презрительно именуя последнего «простяком», «бедным», «червем неусыпающим», не разумеющим языка славенского. 54 Мотив состязательности у Сечихина отсутствует, он полностью занят уничижением Зоила:

> Глуп ты, Зоиле, да и впредь глуп буди; Знают, каков ты, все умные люди. Хотя добра ты не можешь чинити, Не поскучу глупость твою объявити, Понеже и в том велика забава, А твоя в век не умрет слава!

Эпиграмма носит отчетливо игровой характер, а предшествует ей любопытный фрагмент: «Сам бог на цензуру твою не гневается, понеже в посмеяние тебя и игралище ученому свету соделал. Довольно, полно браниться, пора помириться; я за простоту твою не сержуся». Вырисовывается новый образ и роль Зонла: он сам, как и его слава, будут пребывать вечно, и сам он вовсе не так уж ужасен. Предложенные Сечихиным новые отношения в литературной культуре, где свои места отведены меценатству, литературной публике («ученому свету» и «благорассудным читателям») и критике (Зо-

 ⁵⁰ См.: Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII в. Л., 1985. Гл. 1.
 ⁵¹ См.: Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 774.

⁵² См.: Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 44—48. 53 См.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX в. М., 1985. С. 143—146. 54 См.: Куприянов И. Материалы для истории русской словесности: К Зоилу: (Образец старинных критик) // Москвитянин. 1853. № 7. С. 124— 126.

илу), еще очень не скоро стали реальностью, в том числе и «цех зоилов строгих» обособился только в начале XIX в., а в XVIII в. Зоил все еще был «завистливым». Причины этого очевидны: «Критики первого периода XVIII столетия — это поэты». 55 Неразделенность поэзии и критики приводила к тому, что соревновательный характер культуры мог выражаться в прямом состязании, а нередко сопровождался перебранкой, деликатно именуемой «литературной полемикой», в ходе которой Зоил и не вспоминался. Позднейшая же история русских зоилов мало что добавляет в хорошо документированную историю русской критики. Начальный период бытования Зоила в русской литературе более важен: классический образ, повторим, способствовал обособлению авторского сознания, был одной из форм проявления профессионализации писательского труда.

В Петровскую эпоху происходила смена писательского тина от древнерусского книжника к писателю нового времени. ⁵⁶ Этот процесс был непростым и иногда болезненным: литературное самосознание по указу не меняется. Русский Зоил 1670—1720-х гг. лишь одна из сторон этого процесса, тесно связанная с возрастанием представлений об авторской собственности и появлением понятий о плагнате.

XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 112-128.

 ⁵⁵ Гуковский Г. А. Русская литературно-критическая мысль в 1730—
 1750-е гг. // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 100.
 ⁵⁶ См.: Панченко А. М. Осмене писательского типа в Петровскую эпоху //